

УДК 339.92

ББК 65.011

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА  
В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ И РАЗВИТИЕ  
РЕАЛЬНОГО СЕКТОРА ЭКОНОМИКИ: НА ПРИМЕРЕ БЕЛАРУСИ И АРМЕНИИ\*****С. Ю. СОЛОДОВНИКОВ**

solodovnicov\_s@tut.by

доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой «Экономика и право»  
Белорусский национальный технический университет  
Минск, Республика Беларусь

*Выявлены особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции. Установлено, что на реализацию структурной политики Республики Беларусь в условиях ЕАЭС влияют противоречия в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, а также усиление глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Показано, что в рамках ЕАЭС необходимо разработать дорожную карту совместного осуществления новой промышленной революции во всех государствах-членах.*

Ключевые слова: структурная политика, ЕАЭС, региональная экономическая интеграция, промышленная политика

**FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE STRUCTURAL POLICY  
OF THE STATE IN THE CONDITIONS OF REGIONAL ECONOMIC INTEGRATION  
AND THE DEVELOPMENT OF THE REAL ECONOMY SECTOR:  
ON THE EXAMPLE OF BELARUS AND ARMENIA****S. Yu. SOLODOVNICOV**

Doctor in Economics, Professor, Head of the Chair «Economics and Law»  
Belarusian National Technical University  
Minsk, Republic of Belarus

*The features of the implementation of the structural policy of the state in the context of regional economic integration It has been established that the implementation of the structural policy of the Republic of Belarus in the conditions of the EAEU is affected by contradictions in the economic interests and forms of their implementation between the member states of the EAEU, as well as the strengthening of global technological uncertainty. These factors have a strong mutual influence, which seriously distorts the real-ontological forms of their manifestation. It is shown that, within the framework of the EAEU, it is necessary to develop a roadmap for the joint implementation of a new industrial revolution in all member states.*

Keywords: structural policy, EAEU, regional economic integration, industrial policy

---

\* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Согласование структурной политики Беларуси и Армении в контексте модернизации реального сектора экономики», договор с БРФФИ № Г17АРМ-001 от 1 июня 2017 г.

## ВВЕДЕНИЕ

Особенности реализации структурной политики Республики Беларусь в условиях региональной экономической интеграции во многом предопределяются как постоянным возникновением противоречий в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, так и усилением глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Причем, в зависимости от внешних условий, они могут не только дополнять друг друга, но и действовать противоположно направленно.

## РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Возникновение межгосударственных противоречий, обусловленное несовпадением экономических интересов, характерно для всех стран-участниц региональных интеграционных объединений. Это объективное явление, закономерность функционирования экономических интеграционных объединений. Соответственно, задача экономической науки заключается в раскрытии феноменологической природы этого явления, включая то, как названные противоречия влияют на социально-экономическое планирование в государствах-членах и в том числе на промышленную, торговую, социальную и структурную политики. Подчеркнем, что наличие названных противоречий не отрицает того очевидного факта, что в основе региональных экономических интеграционных объединений лежит совпадение политико-экономических интересов, оно только доказывает сложность и противоречивость глобальных и локальных тенденций в межгосударственных отношениях, невозможность абсолютного совпадения интересов государства и всех коммерческих организаций, противоречивую и динамичную природу общественных, групповых и индивидуальных потребностей, лежащих в основе формирования интересов их носителей.

Согласование способов решения тех или иных проблем, имеющих важное (иногда жизненное) значение для политико-экономического развития стран-участниц любого регионального интеграционного объединения, всегда проходит тяжело, часто в нервной обстановке. Причем, чем больше участников входит в такое объединение, тем более сложным становится процесс согласования промышленной, торговой, миграционной и, соответственно, структурной политик. В рамках НАФТА, куда входит только три участника (Канада, Мексика и США), эти процессы протекают очень болезненно и нервно. Начиная с того, что эти страны, постоянно заявляя о необходимости модернизации этого объединения, не торопятся легализовать свои цели и желаемые результаты этого. Не так давно, после того, как руководство США и Мексики заявили свою позицию, руководство Канады, выдержав паузу, озвучило «шесть канадских целей»:

- модернизация НАФТА;
- придание соглашению "прогрессивных" черт путём включения в его текст двух глав об экологических и трудовых отношениях, которые сейчас являются дополнительными к НАФТА соглашениями, и двух абсолютно новых глав о гендерных отношениях и о правах коренных народов;
- уменьшение бюрократической нагрузки на бизнес и обеспечение гармонизации регулирующих правил и норм, действующих в США, Канаде и Мексике;
- открытие рынков госзакупок, прежде всего на уровне субъектов федераций и местных органов власти;

- расширение списка профессий, обладатели которых пользуются упрощённой процедурой получения рабочих виз в странах НАФТА;
- сохранение неизменными некоторых положений, зафиксированных в первоначальном соглашении НАФТА (например, специального механизма оценки обоснованности введения одной страной антидемпинговых и компенсационных пошлин на импортные товары из другой страны), исключение из сферы действия соглашения продукции канадских "культурных отраслей" (книгоиздание, радио- и телевидение) и действующей в этой стране *системы* государственного регулирования рынков молочной продукции, мяса *птицы и яиц*» [1, с. 9].

Канада, например, отказывается снижать ввозные пошлины на сельхозпродукцию (сегодня по некоторым позициям они больше 200 %), а США вводят «антидемпинговые» пошлины на сталь. В результате «вокруг переговоров царит нервная обстановка. Она определяется важностью этого соглашения для Канады и Мексики, которые продолжают вывозить в США три четверти своего экспорта и считают НАФТА не только краеугольным камнем своей внешнеторговой политики, но и залогом экономической, а в случае с Мексикой и внутривосточной стабильности. На переговорщиков из Канады и Мексики оказывает негативное воздействие излишне жёсткая позиция США, характеризующаяся выдвиганием заведомо неприемлемых предложений» [2, с. 9]. Трёхсторонние переговоры в рамках НАФТА «проходят по принципу "от простого – к сложному", т. е. сначала решаются вопросы, вызывающие наименьшее противодействие, а наиболее спорные проблемы откладываются на потом. Это чревато тем, что судьба переговоров будет решаться на заключительном этапе, и что, какой бы прогресс ни был достигнут, "ничего не решено, пока всё не решено"» [1, с. 10]. Такого рода способ согласования экономических интересов стран-участниц интеграционного объединения является не только непродуктивным, но и ошибочным. Зачастую в результате не достигается никакого результата. Негативная ситуация в любой момент может быть ухудшена импульсивными заявлениями Д. Трампа, что можно было наблюдать в начале июня 2018 г. Е. Г. Комкова справедливо отмечает: «Описывая возможные сценарии, можно выделить два основных варианта развития событий. НАФТА или удастся перезаключить в более современном формате <...> или США, как обещает Д. Трамп, объявят о своём выходе из этого соглашения. По-видимому, на начало 2018 г. шансы у этих вариантов примерно равны» [1, с. 10]. Названный автор поясняет, что в пользу успешного завершения переговоров свидетельствуют следующие обстоятельства: «НАФТА – главное и единственное торгово-инвестиционное соглашение, на основании которого США осуществляют торговлю со своими вторым и третьим внешнеторговыми партнёрами – Канадой и Мексикой; вопреки популистским заявлениям Д. Трампа и членов его администрации НАФТА в конечном счёте принесло США больше пользы, чем вреда <...>; за сохранение НАФТА выступает американский бизнес, прежде всего крупный <...>; аннулирование НАФТА не ограничится экономическими потерями. Сотрудничество с Канадой и Мексикой критически важно с точки зрения охраны государственной границы и поддержания национальной безопасности США. Две эти страны – крупнейшие источники энергетических поставок, торговля с которыми увеличивает энергетическую безопасность США, а в последнее время – и растущие рынки сбыта для американской сырой нефти. Кроме того, Канада – важный военно-политический союзник, участник НАТО и НОРАД. Так что разрыв соглашения НАФТА не сможет не сказаться на общей атмосфере и состоянии всего комплекса американо-канадских и американо-мексиканских связей. Для Мексики такой разрыв чреват и дестабилизацией внутривосточной обстановки: он может ослабить шансы на победу на президентских выборах в июле 2018 г. представителя правящей Институционально-

революционной партии и, напротив, упрочить позиции левого кандидата Л. Обрадора, выступающего с антиамериканских и антинафтовских позиций; администрации Д. Трампа и Республиканской партии США остро нужен *прорыв* хоть на каком-то направлении, чтобы предъявить его избирателям к промежуточным выборам в Конгресс в ноябре 2018 г.» [1, с. 10-11]. Таким образом, названный пример иллюстрирует как сложный и противоречивый характер развития региональной экономической интеграции, так и постоянно выходящие на первый план противоречия не только между государствами-участниками интеграционного объединения, но и между коммерческими организациями одного государства, чьи ожидания от углубления интеграции могут радикально различаться.

Вернемся к ЕАЭС. Так, если перед Республикой Беларусь стоит сегодня задача парадигмальной замены модели выживания отечественных предприятий реального сектора экономики на модель новой индустриализации (т. е. целью стратегического планирования должно быть формирование новой структуры народного хозяйства, основой которой будет сверхиндустриальный промышленный уклад), то похожие задачи стоят в частности и перед Россией, и перед Казахстаном. «Эмпирически сегодня просматривается устойчивая тенденция к усилению политико-экономической поляризации мира, в основе которой лежит отрыв экономически развитых стран от развивающихся за счет быстрой и непрерывной технико-технологической модернизации своих экономик, а также широкого использования в хозяйственной жизни общественно-функциональных инноваций» [1, с. 87]. На практике предприятия той страны, которые первые сформируют современную структуру экономики, основанную на новейших технологических укладах, получат серьезные конкурентные преимущества в рамках ЕАЭС, а значит, дополнительно займут часть рынка других стран.

Выход на внешние по отношению к ЕАЭС рынки будет происходить чуть позже, так как в рамках названного интеграционного объединения уже созданы условия для свободного перемещения товаров. В данном случае будет наблюдаться определенный временной разрыв между модернизацией предприятий реального сектора экономики конкретного государства, когда они будут получать дополнительный экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС (именно на этом этапе потенциально возможно наибольшее обострение противоречий между экономическими интересами отдельных стран) и того момента, когда начнется рост экспорта этой продукции за пределы интеграционного объединения (на этом этапе потенциально возможно получение дополнительного экономического эффекта не только страной, предприятия которой первые провели комплексную технико-технологическую модернизацию, но и другими государствами, за счет расширения участия их организаций в разделении и кооперации труда при создании экспортируемого продукта). Причем экономические эффекты, полученные на последнем этапе, могут значительно превосходить потери некоторых хозяйственных субъектов на первом этапе. Исходя из критерия Калдора-Хикса, описанная выше ситуация при математическом моделировании не выглядит критичной, легко можно построить оптимизационную модель, показывающую, как с использованием экономико-математических методов следует перераспределить ресурсы и компетенции, чтобы в конечном счете все оказались в выигрыше. Но это только в математических моделях, когда абстрагируются от сложности согласования политико-экономических интересов, все так идеально.

В политэкономической теории, даже если оставить в стороне проблему недостаточно развитого социального капитала на уровне ЕАЭС и в самих странах-участницах (хотя одного этого может оказаться достаточно, чтобы значительно снизить социально-экономическую эффективность интеграции в ЕАЭС, поскольку дефицит доверия,

как на межгосударственном уровне, так и между хозяйствующими субъектами значительно увеличивает транзакционные издержки), то остается проблема усиления неравномерности развития социально-экономических субъектов в процессе реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции, а также непредсказуемость глобальных технико-технологических тенденций.

Рассмотрим это подробнее на примере тех мероприятий, которые необходимо системно реализовать в Республике Беларусь для создания оптимальных условий перехода к модели новой индустриализации. Так, в теории продолжение формирования рыночной институциональной среды, способствующей развитию предпринимательской инициативы, приведет к усилению экономической самостоятельности коммерческих организаций и рыночных принципов их взаимодействия. «Научно-технические достижения, разделение и кооперация труда, субординация и ординация между индивидами и многие другие социальные феномены и институты тем успешнее способствуют экономному получению человечеством необходимых вещества и энергии из природы, чем выше уровень социального прогресса в обществе. По мере усложнения общества разделенного труда названная зависимость усиливается. Это непосредственно предопределяется необходимостью предоставления большей степени экономической свободы хозяйственным субъектам, как основы для получения положительного синергетического эффекта от усложняющейся экономической системы общества» [3, с. 5].

Соответственно, те предприятия, которые раньше других проведут технологическую модернизацию, что позволит им получать дополнительный экономический эффект за счет занятия дополнительной части рынка других стран-участниц ЕАЭС, не захотят добровольно отказываться от своего технико-технологического и рыночного лидерства. Более того, при правильном стратегическом планировании эти предприятия будут иметь больший потенциал для дальнейшей технико-технологической и организационной модернизации, чем те предприятия, которые отстали от них в области применяемых технологий. Таким образом, возникает угроза усиления технологического разрыва между предприятиями-лидерами и предприятиями-аутсайдерами, что приводит к «"ловушке догоняющего развития" на микроуровне» [4, с. 38]. Причем в условиях свободной рыночной конкуренции первые либо поглотят, либо разорят последних. Возникает своего рода парадокс: без развития рыночных институтов нельзя проводить современную структурную политику (когда научно-обоснованное и централизованное стратегическое планирование является важнейшим условием новой индустриализации), но само по себе развитие этих институтов ведет к усилению тенденции в преобладании текущего планирования над стратегическим, а значит к ухудшению структурной политики. В условиях региональной экономической интеграции эта картина становится еще более сложной, когда вышеназванные предприятия находятся в разных странах.

Разрешить это противоречие можно только за счет: развития институтов общественно-государственно-частного партнерства; опережающего накопления социального капитала на уровне ЕАЭС; формирования единой промышленной политики в рамках ЕАЭС, основанной на усилении роли совместного стратегического планирования и дальнейшего развития промышленной кооперации между государствами-участниками ЕАЭС; усиления роли социально-научного сообщества в совершенствовании принципов, механизмов и инструментов планирования социально-экономического развития, формировании структурной политики и технологической модернизации народного хозяйства. С. Д. Бодрунов справедливо отмечает по поводу последнего: «Высокотехнологичное материальное производство – только один из элементов системы, оно еще не обеспечивает решения проблем развития экономики и общества. Современное знание-

емкое производство <...> не может развиваться в отрыве от интенсивного развития нового научного знания. Кроме того, как производство, так и науку должны продвигать соответственно подготовленные кадры, люди, обладающие необходимыми способностями, знаниями и навыками, которые должна нам дать система образования» [5, с. 9]. Далее названный автор подчеркивает, что «...сегодня уже нельзя довольствоваться простым сознанием того, что какое-то производство у нас есть, наука в некотором смысле тоже есть, система образования продолжает функционировать, и тем, что эти сферы даже неким образом между собой взаимодействуют. Существенно, что речь идет не только о том, что их надо поднять на качественно более высокий уровень, но и о том, что их взаимодействие между собой необходимо сделать существенно более эффективным и социально ориентированным. Речь идет о том, что современное высокотехнологичное производство во все возрастающей степени требует непосредственного взаимопроникновения этих сфер друг в друга, их теснейшей интеграции, а на уровне основного производственного звена – и прямого организационного объединения» [5, с. 9-10]. О роли взаимодействия различных институциональных субъектов в рамках инновационной системы пишет и Ю. В. Мелешко, подчеркивая особенное значение кооперации в производстве высокотехнологичных и наукоемких товаров: «Развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей промышленности не может осуществляться без соответствующего развития научно технического потенциала, основывающегося на тесной интеграции фундаментальной, прикладной и вузовской науки и промышленного производства» [6, с. 9-1].

По нашему мнению, наиболее перспективным является согласование экономических интересов стран-участниц ЕАЭС на основе разработки дорожной карты, описывающей последовательность мероприятий, направленных на скорейшее проведение новой промышленной революции в ЕАЭС, в том числе на основе проведения единой структурной политики. В качестве промежуточного этапа следует усилить согласование структурных политик государств-членов ЕАЭС.

Для выявления перспективных направлений развития реального сектора экономики и согласования структурной политики Беларуси и Армении, прежде всего, необходимо проанализировать структуру их экономики, развитие тех или иных видов экономической деятельности, что позволит определить наиболее перспективные из них. При этом необходимо учитывать, а нами уже писалось об этом, что сегодня в условиях технологической неопределенности, определяя стратегические и текущие приоритеты, нельзя слепо следовать за технологическими лидерами и бездумно копировать их инновационную и структурную политики, поскольку это неизбежно приведет к серьезным экономическим, интеллектуальным и социальным издержкам. Наиболее яркой иллюстрацией этого может служить нарастающий кризис наноиндустрии [7]. Более того, в ряде случаев развитие традиционных и не самых наукоемких видов экономической деятельности может иметь для страны и конкретных коммерческих организаций куда большую экономическую эффективность. Естественно, что здесь нельзя впадать в крайности. Надо развивать и новейшие, и традиционные технологии, ориентируясь при этом не только на технологические мониторинги и прогнозы, но и на глобальные и региональные тенденции в изменении поведения потребителей. Как отмечается по этому поводу в Докладе НИУ Высшей школы экономики: «На фоне распространения модели инноваций, связанной с модой на определенные направления, объективными трудностями оценки новых направлений, усиливаются риски возникновения "пузырей" в сферах, в отношении которых формируются ожидания прорывного развития. Возрастает значимость фактора доминирующих представлений в обществе, соответственно, повышаются риски манипулирования общественным мнением (European Parliamentary Research Services, 2016)» [8, с. 11].

Развитие реального сектора Республики Беларусь в настоящее время можно охарактеризовать как стабильное. В целом за 2010-2017 гг. ВВП Беларуси увеличился в сопоставимых ценах на 14 % при росте производительности труда за этот период на 22,5 %. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в республике вырос с 16,9 тыс. долларов США в 2010 г. до 18,8 тыс. долларов США в 2017 г. Среди стран СНГ по этому показателю в 2017 г. Беларусь занимала 3-е место, уступая России и Казахстану [9]. Основными отраслями экономики нашей страны по-прежнему являются обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, строительство, торговля, транспортная деятельность. «В десятку самых значимых белорусских товаров, на долю которых в мировом производстве приходится от 30 до 0,6 %, входят: грузовые автомобили, дорожная, строительная техника; тракторы и сельскохозяйственная техника; холодильники и бытовая техника; мебель; удобрения; топливо; льноволокно; химические волокна и нити; мясные продукты; молочные продукты» [9]. Белорусская промышленность по-прежнему остается стержнем национальной экономики, в значительной степени определяет развитие последней. Именно в промышленности производится четверть ВВП, сосредоточено около 37 % всех основных средств страны, трудится 23 % от общей численности занятых в экономике. На долю обрабатывающей промышленности в 2017 г. приходилось 88 % общего объема производства продукции промышленности.

Ведущими отраслями обрабатывающей промышленности являются: машиностроение (15,6 % в объеме обрабатывающей промышленности), химическое производство (9,9 %), производство нефтепродуктов (16,2 %), пищевая промышленность (28,2 %). В Республике Беларусь производится около 80 % от общего объема производства тракторов в странах ЕАЭС [9].

В Республике Беларусь к перспективным направлениям развития реального сектора экономики следует отнести ведущие сектора обрабатывающей промышленности и сельское хозяйство, поскольку по этим направлениям существуют достаточно развитая производственная база и традиционные рынки сбыта. Вместе с тем в этих отраслях существует ряд проблем, которые не могут быть решены только в рамках реального сектора экономики, но требуют определенных структурных сдвигов в целом в народном хозяйстве. В частности, это обусловлено тем, что при относительно высокой активности предприятий обрабатывающей промышленности во внедрении технологических инноваций у них сохраняется низкая активность во внедрении организационных и маркетинговых инноваций. Удельный вес организаций обрабатывающей промышленности, осуществляющих затраты на организационные инновации в 2016 г. к общему числу организаций, осуществляющих затраты на технологические, организационные и маркетинговые инновации, составил всего 8,4 %, затраты на маркетинговые инновации – 13,9 % [9]. Вместе с тем «стратегический курс на проведение новой индустриальной политики должен охватывать не только технологическую и экономическую системы, но и систему общественных отношений, в частности отношений, складывающихся в процессе трудовой деятельности» [10, с. 54].

Ю. В. Мелешко, описывая проблемы развития космической промышленности в Республике Беларусь, справедливо отмечает: «Ограниченность национальных ресурсов, в том числе и финансовых, нехватка компетенций, знаний и опыта, необходимых для глубокого перевооружения традиционного машино- и приборостроения, производства электроприборов в белорусской космической промышленности, могут быть преодолены путем научно-технической и промышленной кооперации. При этом кооперацию следует рассматривать комплексно: горизонтальную и вертикальную интеграцию, внутриотраслевую и межотраслевую интеграцию, на национальном и международном

уровне, также сотрудничество государства и бизнеса» [11, с. 39]. По существу, приведенная цитата подходит к белорусской промышленности в целом. Белорусские и российские исследователи подчеркивают, что «развитие международного научно-технического и инновационного сотрудничества выступает одним из основных направлений государственной инновационной политики Беларуси» [12, с. 57]. Вместе с тем отечественные экономисты предостерегают: «Проблема выбора субъектов для экономической интеграции (производственной, научной, финансовой и т. д.) требует отдельной проработки, поскольку, если белорусские предприятия промышленности присоединятся к крупным межнациональным транснациональным корпорациям, они рискуют оказаться «придаточным» производством, т. к. последние будут стремиться разместить на территории республики экологически грязные, низкотехнологичные производства. Кроме того, создание устойчивых международных интеграционных экономических связей в области промышленности и услуг промышленного характера в современных геополитических условиях может ставить под угрозу экономическую безопасность страны (например, за счёт введения санкций и блокировки всех экономических отношений на неопределённый период). В связи с этим для усиления влияния на международной арене и снижения риска формирования «хищнической» модели международной кооперации, на наш взгляд, приоритетным является формирование более тесных экономических интеграционных связей в рамках ЕАЭС» [6, с. 44].

Опираясь на вышесказанное, можно сделать вывод, что сотрудничество Беларуси и Армении в области технико-технологической кооперации и взаимной торговли, основанной на международном промышленном разделении труда, представляется перспективным. Это, в частности, подтверждается быстрым ростом взаимной торговли наших стран. Вместе с тем те проблемы, которые наблюдаются в национальных экономиках наших стран, находят свое воплощение и в формах международной кооперации.

Сегодня продолжается увеличение доли услуг в структуре белорусского экспорта. С 2010 г. по 2017 г. экспорт услуг увеличился более чем в 1,6 раза. При этом значительный рост демонстрировали компьютерные услуги, экспорт которых увеличился в 2017 г. более чем в 5 раз по сравнению с 2010 г. Объем экспорта данного вида услуг в 2017 г. практически достиг 1,2 млрд. долларов, а удельный вес в общем объеме экспорта вырос с 4,5 % до 15,4 %. Беларусь входит в число мировых лидеров по экспорту IT-услуг на душу населения. В рейтинге Топ-100 лучших аутсорсинговых компаний мира 2017 – шесть IT-компаний с белорусскими офисами [9]. В то же время услуги промышленного характера в Республике Беларусь развиваются недостаточно быстро, что тормозит развитие национального промышленного комплекса и аграрного производства. IT-компаниями с белорусскими офисами по-прежнему уделяют внимание этому важнейшему направлению, в то время как, например, «в соответствии с мировыми тенденциями перспективным направлением расширения рынка облачных технологий является производственный сектор. Использование облачных технологий как услуг промышленного характера позволит предприятиям промышленности перенести часть бизнес-процессов в "облако", сократив тем самым расходы на информационные технологии и обеспечив их надежность» [13]. В этом контексте перспективными направлениями белорусско-армянского сотрудничества с целью развития реального сектора экономики и улучшения качества экономического роста, в том числе на основе согласования структурных политик наших стран, должно стать опережающее развитие услуг промышленного характера. «Совместное с иностранными предприятиями оказание услуг промышленного характера, – пишет по этому поводу Ю. В. Мелешко, – будет развиваться в сравнении с местным промышленным производством опережающими темпами, так как оказание та-



ких услуг требует меньше капитальных вложений, не требует, как правило, дополнительного обучения кадров и имеет высокую долю добавленной стоимости. Наиболее тесные кооперационные связи, как в сфере промышленности, так и в сфере услуг промышленного характера, будут выстраиваться с предприятиями стран-участниц ЕАЭС, поскольку такая кооперация будет способствовать решению проблем финансирования НИОКР, кадрового обеспечения, дисбаланса интеграционных связей <...> и сможет стать основой производственной кооперации промышленных предприятий» [14].

Таким образом, важнейшими перспективными направлениями совместного развития реальных секторов экономики и соответствующего согласования структурных политик Беларуси и Армении является: во-первых, развитие традиционных направлений технико-технологической и производственной кооперации в тех отраслях промышленности и сельского хозяйства, которые наиболее развиты в нашей стране (надо учитывать, что сегодня армянские промышленность, аграрное производство и экономика в целом по геополитическим причинам хуже развиты, чем белорусские), во-вторых, опережающее развитие услуг промышленного характера.

Еще одним перспективным направлением кооперации может стать такой вид деятельности как производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха, который в белорусской экономике по состоянию на 2017 г. оценивается в 4,4 % [9]. Данный вид деятельности, для которого сегодня характерно производство добавленной стоимости на одного работающего примерно в два раза меньше, чем в целом по отечественной промышленности, с одной стороны обеспечивает лишь 50 % от потребности населения Республики Беларусь, а значит, существует потенциальный внутренний спрос на эту продукцию. Причем последний как в Беларуси, так и в России во многом покрывается за счет нелегального ввоза текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Переход Российской Федерации на специальную маркировку обуви, позволяющую отслеживать ее происхождение, станет важнейшим фактором, снижающим недобросовестную конкуренцию на рынке текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха. Наличие в Республике Беларусь модельеров, получивших признание не только у нас в стране, но и за рубежом, позволяет обоснованно рассчитывать на высокие темпы роста в этой сфере. Сфера моды, в частности, и товаров интенсивного потребления вообще может стать более экономически эффективной на основе белорусско-армянской кооперации. «Производство товаров интенсивного обновления, – подчеркивает Т. В. Сергиевич, – характеризуется следующими признаками: высокая зависимость спроса на товары от социально-психологических факторов, что приводит к возникновению дополнительных рисков; быстрая оборачиваемость денежных средств; высокая доля креативного труда; сложная система создания добавленной стоимости, большая часть которой формируется за счет нематериальных активов и творческого труда; высокая зависимость конкурентоспособности предприятия от качества человеческого капитала; повышенный уровень адаптивности предприятия; активное включение предприятия по производству товаров интенсивного обновления в глобальные цепочки создания добавленной стоимости; высокий уровень включения в систему разделения труда, в том числе международного» [15, с. 54]. В Армении существует высокоразвитое производство аксессуаров и бижутерии, а существующие предприятия по пошиву одежды и обуви легко могут быть включены в цепочки совместного создания конечного модного продукта, ориентированного на рынок ЕАЭС. При этом более низкая заработная плата и высокий уровень безработицы в Армении будут способствовать снижению себестоимости этого продукта.

Вместе с тем политика белорусско-армянской кооперации по производству товаров интенсивного потребления требует решения ряда проблем в Республике Беларусь.

Как отмечается белорусскими экономистами, «сегодня между белорусскими хозяйствующими субъектами в текстильной и швейной промышленности главным объектом конкуренции за факторы производства являются не каналы снабжения сырьем, материалами, инвестиционными и трудовыми ресурсами, а персонификация, размеры, формы, величина государственной поддержки и доступ к административному ресурсу» [16, с. 264]. Такая политика поиска ренты белорусскими коммерческими организациями вызывает риски снижения их конкурентоспособности за счет недоразвития общественно-функциональных инноваций. Т. В. Сергиевич пишет, что «как показывает практика (например, реализация проекта по модернизации ОАО «Камволь»), даже наличие мощной государственной поддержки, нового технологического оборудования и серьезного опыта хозяйствования в современных условиях не гарантируют хозяйствующим субъектам достижения поставленных целей развития. Финансовая поддержка и технико-технологические инновации сами по себе не могут обеспечить расширенное воспроизводство капитала предприятия. Наличие организационно-управленческих инноваций, направленных на обеспечение расширенного воспроизводства человеческого капитала, – есть предпосылка перехода к интенсивному пути развития предприятия» [17, с. 92].

Несмотря на различия в методах государственного управления в Армении (либерально-рыночная модель развития) и Беларуси (преимущественно рыночная социально-ориентированная, основанная на государственном регулировании народного хозяйства) для обеих стран характерно недостаточное использование общественно-функциональных инноваций в сфере производства товаров интенсивного обновления. В обеих странах в настоящее время резервы международной кооперации в этой сфере использованы недостаточно. Как отмечают белорусские исследователи, «белорусская промышленная политика в сфере производства товаров интенсивного обновления сегодня в большей степени охватывает развитие кооперации внутри страны» [4, с. 35]. Вместе с тем глобальные цивилизационные тенденции свидетельствуют о том, что значение моды как социально-экономического феномена будет постоянно возрастать, увеличивая опережающий спрос на товары интенсивного использования. «Качественные преобразования в структуре производства в современной экономике во многом обусловлены ростом доли потребления знаковых благ. Классической сферой производства знаковых меновых стоимостей является производство товаров интенсивного обновления, где добавленная стоимость создается за счет управления механизмами социальной демонстрации» [18, с. 1]. Таким образом, правомерен вывод о том, что весьма перспективным направлением развития реального сектора экономики в Беларуси и Армении является производство товаров интенсивного обновления, что в свою очередь требует пересмотра и координации структурных политик в наших странах.

## ВЫВОДЫ

Выявлены особенности реализации структурной политики государства в условиях региональной экономической интеграции. Установлено, что на реализацию структурной политики Республики Беларусь в условиях ЕАЭС влияют противоречия в экономических интересах и формах их реализации между государствами-участниками ЕАЭС, а также усиление глобальной технологической неопределенности. Названные факторы оказывают сильное взаимное влияние, которое серьезно искажает реально-онтологические формы их проявления. Показано, что в рамках ЕАЭС необходимо разработать дорожную карту совместного осуществления новой промышленной революции во всех государствах-членах. При этом следует незамедлительно усилить согласование структурных политик государств-членов ЕАЭС.

Установлено, что важнейшими перспективными направлениями совместного развития реальных секторов экономики и соответствующего согласования структурных политик Беларуси и Армении является: во-первых, развитие традиционных направлений технико-технологической и производственной кооперации в тех отраслях промышленности и сельского хозяйства, которые наиболее развиты в нашей стране; во-вторых, совместная разработка и использование технологий рециклинга в пищевой и перерабатывающей промышленности; в-третьих, опережающее развитие услуг промышленного характера; в-четвертых, ликвидация отставания от стран технологических лидеров в области разработки и применения общественно-функциональных инноваций.

#### СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Комкова, Е. Г. Перспективы НАФТА / Е. Г. Комкова // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2018. – № 2 (578). – С. 5–19.
2. Клименко, В. А. Развитие теоретических основ трансфера технологий в контексте перехода к устойчивому экономическому росту в Республике Беларусь и Российской Федерации / В. А. Клименко, В. Л. Гурский, Т. В. Сергиевич, Т. С. Лыткина // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 85–91.
3. Солодовников, С. Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С. Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня. – 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
4. Сергиевич, Т. В. Перспективы и направления развития производства товаров интенсивного обновления в Республике Беларусь / Т. В. Сергиевич // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д. Экон. и юрид. науки. – 2017. – № 14. – С. 32–40.
5. Бодрунов, С. Д. Конвергенция технологий – новая интеграции производства, науки и образования / С. Д. Бодрунов // Экономическая наука современной России. – 2018. – № 1 (80). – С. 8–19.
6. Мелешко, Ю. В. Оценка эффективности развития услуг промышленного характера в контексте модернизации национального промышленного комплекса / Ю. В. Мелешко // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия: Теория и практика управления. – 2017. – № 18 (23). – С. 39–47.
7. Солодовников, С. Ю. Современная структурная политика и кризис наноиндустрии / С. Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. Научно-практический журнал. – 2017. – № 3 (8) – С. 49–55.
8. Структурная политика в России: новые условия и возможная повестка / Доклад НИУ ВШЭ // Вопросы экономики. – 2018. – № 6. – С. 5–28.
9. Официальный интернет портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://president.gov.by/ru/economy\\_ru/](http://president.gov.by/ru/economy_ru/). – Дата доступа: 19.09.2018.
10. Сергиевич, Т. В. Труд в неоиндустриальном обществе / Т. В. Сергиевич // Научно-образовательный центр «Технологии товароведческой, таможенной и криминалистической экспертизы» Сборник научных работ № 6. Под редакцией Г. Д. Дроздова. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2015. – С. 50–55.
11. Мелешко, Ю. В. Основные формы сотрудничества предприятий реального сектора экономики Республики Беларусь и Российской Федерации в сфере производства космической техники / Ю. В. Мелешко // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 1 (9). – С. 37–42.

12. Гурский, В. Л. Исследование теоретических основ нового качества экономического роста в контексте перехода к инновационному развитию Республики Беларусь и Российской Федерации / В. Л. Гурский, В. А. Клименко, В. В. Фаузер, Т. В. Сергиевич // Корпоративное управление и инновационное развитие экономики Севера: Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. – 2017. – № 2. – С. 53–59.
13. Мелешко, Ю. В. Перспективы развития облачных технологий как услуг промышленного характера / Ю. В. Мелешко // Менеджмент предпринимательской деятельности: Материалы XVI международной научно-практической конференции преподавателей, докторантов, аспирантов и студентов. – 2018. – С. 232–236.
14. Мелешко, Ю. В. Сценарии дальнейшего развития услуг промышленного характера в Республике Беларусь / Ю. В. Мелешко // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D: Экономические и юридические науки. – 2016. – № 13. – С. 62–68.
15. Сергиевич, Т. В. Экономическое стимулирование производства товаров интенсивного обновления: теоретико-методологические основы / Т. В. Сергиевич // Право. Экономика. Психология. – 2017. – № 3(8). – С. 49–55.
16. Сергиевич, Т. В. Трудовой потенциал и управление трудом в текстильной и швейной промышленности как объекты экономического исследования / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (председатель редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 5. – С. 260–286.
17. Сергиевич, Т. В. Методическое обеспечение повышения экономической эффективности воспроизводственного цикла предприятия по производству товаров интенсивного обновления / Т. В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня : сб. науч. ст. / БНТУ; редкол.: С. Ю. Солодовников (председатель редкол.) [и др.]. – Минск: БНТУ, 2017. – № 6. – С. 91–107.
18. Сергиевич, Т. В. Совершенствование организационно-экономического механизма производства товаров интенсивного обновления : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.06 / Т. В. Сергиевич ; БГУ. – Минск, 2018. – 28 с.

#### REFERENCES

1. Komkova, E. G. Perspektivy NAFTA / E. G. Komkova // SSHA i Kanada: ehkonomika, politika, kul'tura. – 2018. – № 2 (578). – S. 5–19.
2. Klimenko, V. A. Razvitie teoreticheskikh osnov transfera tekhnologii v kontekste perekhoda k ustojchivomu ehkonomicheskomu rostu v Respublike Belarus' i Rossijskoj Federacii / V. A. Klimenko, V. L. Gurskij, T. V. Sergievich, T. S. Lytkina // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Severa: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 85–91.
3. Solodovnikov, S. Yu. Perspektivy i mekhanizmy razvitiya i kapitalizacii social'nogo potentsiala Respubliki Belarus' / S. Yu. Solodovnikov // Ehkonomicheskaya nauka segodnya. – 2013. – Vyp. 1. – S. 5–33.
4. Sergievich, T. V. Perspektivy i napravleniya razvitiya proizvodstva tovarov intensivnogo obnoveniya v Respublike Belarus' / T. V. Sergievich // Vestn. Poloc. gos. un-ta. Ser. D. Ehkon. i yurid. nauki. – 2017. – № 14. – S. 32–40.
5. Bodrunov, S. D. Konvergenciya tekhnologij – novaya integracii proizvodstva, nauki i obrazovaniya / S. D. Bodrunov // Ehkonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. – 2018. – № 1 (80). – S. 8–19.

6. Meleshko, Yu. V. Ocenka ehffektivnosti razvitiya uslug promyshlennogo ha-raktera v kontekste modernizacii nacional'nogo promyshlennogo kompleksa / Yu. V. Meleshko // Vestnik Komi respublikanskoj akademii gosudarstvennoj sluzhby i upravleniya. Seriya: Teoriya i praktika upravleniya. – 2017. – № 18 (23). – S. 39–47.
7. Solodovnikov, S. Yu. Sovremennaya strukturnaya politika i krizis nanoin-dustrii / S. Yu. Solodovnikov // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. Nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2017. – № 3 (8) – S. 49–55.
8. Strukturnaya politika v Rossii: novye usloviya i vozmozhnaya povestka / Doklad NIU VSHEH // Voprosy ehkonomiki. – 2018. – № 6. – S. 5–28.
9. Oficial'nyj internet portal Prezidenta Respubliki Belarus' [Ehlektron-nyj resurs]. – Rezhim dostupa: [http://president.gov.by/ru/economy\\_ru/](http://president.gov.by/ru/economy_ru/). – Data dostupa: 19.09.2018.
10. Sergievich, T. V. Trud v neoindustrial'nom obshchestve / T. V. Sergievich // Nauchno-obrazovatel'nyj centr «Tekhnologii tovarovedcheskoj, tamozhennoj i krimi-nalisticheskoy ehkspertizy» Sbornik nauchnyh rabot № 6. Pod redakciej G. D. Drozdova. – SPb.: Izdvo SPbGEHU, 2015. – S. 50–55.
11. Meleshko, Yu. V. Osnovnye formy sotrudnichestva predpriyatij real'nogo sektora ehkonomiki Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii v sfere proizvodstva kosmicheskoy tekhniki / Yu. V. Meleshko // Pravo. EHkonomika. Psihologiya. – 2018. – № 1 (9). – S. 37–42.
12. Gurskij, V. L. Issledovanie teoreticheskikh osnov novogo kachestva ehkonomicheskogo rosta v kontekste perekhoda k innovacionnomu razvitiyu Respubliki Belarus' i Rossijskoj Federacii / V. L. Gurskij, V. A. Klimenko, V. V. Fauzer, T. V. Sergievich // Korporativnoe upravlenie i innovacionnoe razvitie ehkonomiki Seve-ra: Vestnik Nauchno-issledovatel'skogo centra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkar'skogo gosudarstvennogo universiteta. – 2017. – № 2. – S. 53–59.
13. Meleshko, Yu. V. Perspektivy razvitiya oblachnyh tekhnologij kak uslug promyshlennogo haraktera / Yu. V. Meleshko // Menedzhment predprinimatel'skoj deyatelnosti: Materialy XVI mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii pre-podavatelej, doktorantov, aspirantov i studentov. – 2018. – S. 232–236.
14. Meleshko, Yu. V. Scenarii dal'nejshego razvitiya uslug promyshlennogo ha-raktera v Respublike Belarus' / Yu. V. Meleshko // Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D: Ehkonomicheskie i juridicheskie nauki. – 2016. – № 13. – S. 62–68.
15. Sergievich, T. V. Ehkonomicheskoe stimulirovanie proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya: teoretiko-metodologicheskie osnovy / T. V. Sergievich // Pravo. Ehkonomika. Psihologiya. – 2017. – № 3(8). – S. 49–55.
16. Sergievich, T. V. Trudovoj potencial i upravlenie trudom v tekstil'noj i shvejnoj promyshlennosti kak ob"ekty ehkonomicheskogo issledovaniya / T. V. Sergievich // Ehkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU; redkol.: S. Yu. Solodovnikov (predsedatel' redkol.) [i dr.]. – Minsk: BNTU, 2017. – № 5. – S. 260–286.
17. Sergievich, T. V. Metodicheskoe obespechenie povysheniya ehkonomicheskoy ehffektivnosti vosproizvodstvennogo cikla predpriyatiya po proizvodstvu tovarov intensivnogo obnovleniya / T. V. Sergievich // EHkonomicheskaya nauka segodnya : sb. nauch. st. / BNTU; redkol.: S. Yu. Solodovnikov (predsedatel' redkol.) [i dr.]. – Minsk: BNTU, 2017. – № 6. – S. 91–107.
18. Sergievich, T. V. Sovershenstvovanie organizacionno-ehkonomicheskogo mehanizma proizvodstva tovarov intensivnogo obnovleniya : avtoref. dis. ... kand. ehkon. nauk : 08.00.06 / T. V. Sergievich ; BGU. – Minsk, 2018. – 28 s.

*Статья поступила в редакцию 15 сентября 2018 года*